

Вадим Россик

*Мародей
из Аксамита*

книга третья

Вадим Россик
**Чародей из Аксамита.
Книга третья**

«Издательские решения»

Россик В.

Чародей из Аксамита. Книга третья / В. Россик —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833791-8

По просьбе великого бошкуна имолов Амальрика месьер Мартиниус отправляется в город золотых куполов Аксамит для того, чтобы помериться силами с восставшим из мёртвых древним злым магом.

ISBN 978-5-44-833791-8

© Россик В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Визит судьи	8
Глава вторая. Почтовый голубь	12
Глава третья. Расшифрованное послание	15
Глава четвёртая. Великий бошкун имолов	19
Глава пятая. Просьба Амальрика	23
Глава шестая. Ещё не поздно отказаться	27
Глава седьмая. В путь!	32
Глава восьмая. Красная страна	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Чародей из Аксамита

Книга третья

Вадим Россик

© Вадим Россик, 2016

ISBN 978-5-4483-3791-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Знойный день погас. В тёмно-индиговом небе над Великой Жёлтой пустыней зажглись большие яркие звёзды. В Крокодильем оазисе, том самом, где вместе мирно живут люди и крокодилы, царила тишина. В центре оазиса, посреди рощи тамарисковых и эбеновых деревьев, белел в темноте великолепный мраморный фонтан в виде распустившегося лотоса. Фонтан был окружён большим прудом, в котором сонно булькали водой гигантские аллигаторы.

Сладкий, как спелая хурма, ветерок нежно шелестел листьями. Под их усыпляющий шелест застыли во сне почти все обитатели оазиса. Спали крокодилы, спали верблюды, спали птицы. Надёжно заперев свою лавку на прочные засовы, чутко спал месьер Спекулятиус – единственный представитель презренного купипродайского сословия в оазисе.

Лишь в одном месте горел свет. Это, пользуясь ночной прохладой, старый Йено всё ещё возился в арбалетной мастерской, наводя порядок после долгого рабочего дня. Латунный светильник скупо освещал голые каменные стены, почерневшие от огня в очаге.

Йено подкрашивал сажей семь линий над входом, начертанные для защиты от нечистой силы, когда неподалёку раздался собачий лай. Йено прислушался. Собачий лай приблизился, сухие ветки затрещали под чьими-то шагами, послышались тихие голоса. Старик оглянулся через плечо, пожалев, что не прикрыл вход циновкой.

– Кто там бродит в такой поздний час?

– Не пугайся, дедушка Йено. Это мы – Урюк, Петрогло, Хаджогло и Ангели.

В мастерскую зашли четверо парней, один другого моложе, даже ещё без тюрбанов. Следом за ними в мастерскую заскочили было два пса, но Йено цыкнул на нахалов, и те, поджав хвосты, выскочили наружу.

– Что, не спится, ребятки? – добродушно спросил старик.

– Спать ещё неохота, дедушка Йено. Вот мы и решили навестить тебя. Ты ведь мастер сказывать сказки. Может и нам сейчас расскажешь какую-нибудь?

Йено усмехнулся в седую бороду с жёлтым пятном от табака вокруг губ.

– Договорились, ребятки. Мне сегодня тоже что-то не спится. Тогда садитесь поближе к очагу. Ночи в пустыне холодные. Хаджогло, возьми на полке кувшин с верблюжьим молоком. Рядом с кувшином лежит кусок сыра, а в том горшке ты найдёшь вяленые финики. Предупреждаю, сыр твёрдый, как алмаз. Не для моих зубов. А у вас, ребятки, зубы молодые – грызите на здоровье.

Набрав по горсточке фиников, парни шустро опустили на корточки возле очага. Йено с кряхтением присел на гладкий камень, служивший ему табуретом, достал вышитый кисет, затем, не спеша, набил табаком длинную глиняную трубку, прикурил от светильника.

– Ну, что ж, слушайте, ребятки. Только, что характерно, это будет не сказка, а самая настоящая быль. Мудрые старые люди рассказывают, что когда-то очень давно, когда даже высокие Кругогведские горы были ещё выше, а звёзды от нас ещё дальше, жил в Великой Жёлтой пустыне один злой маг. Никто теперь не помнит его имени. Просто называют «чародей из Аксамита», хотя тогда никакого города Аксамита не было, а на его месте находилась жалкая стоянка имолов. Много чудес совершил тот чародей. Он мог ударом посоха выпустить из песка фонтан прохладной чистой воды. Мог в мгновение ока перенестись, куда захочет. Много мог тот чародей, но душа его была черна, словно запёкшаяся кровь. От неистойвой злобы зубы у него стали красного цвета. Чтобы овладеть тёмным могуществом, колдун творил страшные заклятия в облаках жертвенного дыма, поднимающегося с алтаря, на котором визжали женщины, обречённые на заклятие. Злой маг погубил множество жизней, пролил реки крови и вот все тайны мира были ему открыты, и все силы зла стали ему подвластны. Больше никто из смертных не смел ослушаться его воли. Даже сам Древний Змей пустыни. Но, что характерно, чародей из Аксамита не смог достигнуть бессмертия. Поэтому, когда пришла пора ему навечно отправляться к Творцу всего сущего в Голубую пустыню, – закатив глаза, старый Йено показал пальцем в закопчённый потолок, – хитрый колдун собрал воедино всё своё великое знание и в один миг превратился в чудесный свет. В волшебное мерцание. И что характерно, мерцание помещалось на ладони, но было крепче стали. В этом чудесном свете была спрятана душа чародея из Аксамита.

– Как же это возможно, дедушка Йено? – удивился самый юный из парней, Ангели. – Свет и вдруг крепче стали?

– У колдунов всё возможно, ребятки. Мудрые старые люди говорят, кто завладеет этим чудесным светом, приобретёт невиданное могущество. Но чтобы чёрная душа чародея из Аксамита покорила хозяину чудесного света, нужно произнести одно заклинание.

– А ты знаешь это заклинание, дедушка Йено? – выплюнув финиковую косточку, поинтересовался Хаджогло.

– Никто не знает. Страшное заклинание давно забыто. Может быть, оно и сохранилось в какой-нибудь старой книге, но я ведь читать не умею. Так вот, ребятки, с тех самых пор люди ищут этот чудесный свет. Ищут и, что характерно, никак не могут найти. Да это и хорошо, наверное. Я так думаю.

– Так что же дальше-то было, дедушка Йено? – нетерпеливо спросил Петрогло.

Старик назидательно проговорил:

– Множество лун сменилось с тех пор, но время в пустыне не имеет значения, ребятки. Один имол отомстил своему обидчику через полвека и сказал: «Я поспешил». А ещё мудрые старые люди говорят, что однажды чародей с красными зубами вернётся и кровь потечёт снова.

Глава первая. Визит судьи

Любой житель Квакенбурга согласится с утверждением, что начало лета – это лучшее время года. В синем небе с весёлым щебетанием снуют птицы. На лиственных деревьях набухают почки, цветы раскрывают свои чашечки навстречу тёплому солнцу, колочая хвоя сосен и елей становится нежной и податливой. Не зря первые поселенцы назвали этот обширный край у южного подножия Большой горы Зелёной страной. Он весь, от Атласных гор на западе до реки Кроны на востоке и от Большой горы на севере до Зелёных гор на юге, покрыт густыми лесами. А в самом центре Зелёной страны находится знаменитая столица Гведского королевства город Квакенбург.

Если бы вы въехали в Квакенбург через восточные Кронские ворота, над мощными квадратными башнями которых вились на ветерке три пёстрых флага: Гведского королевства, Зелёной страны и города Квакенбурга, то следуя по улице Трёх Близнецов попали бы на площадь Биржи. Там, за массивным квадратным зданием Биржи, спряталась Зелёная улица – неширокая, малолюдная, обсаженная клёнами, застроенная двухэтажными кирпичными особняками с маленькими цветочными газонами перед фасадами. От тротуара к каждой двери вели дорожки, выложенные узорной плиткой. Стены зданий, как ковром, были покрыты густыми зарослями вьюна, сквозь которые глядели частые переплёты окон. На дверях висели красные почтовые ящики с эмблемой королевской почты – серебряным рожком, и начищенные до блеска металлические таблички с именами жильцов, а также родом их деятельности. Судя по этим табличкам, Зелёная улица – это место жительства судейских, стряпчих и нотариусов. Представителей знатного или магического сословий здесь не найдёшь.

На двери дома номер пятьдесят пять значилось: «Доктор Мартиниус. Нотариальные услуги». Здесь жил нотариус, его молодой секретарь Мельхиор и пожилая домоправительница или, проще говоря, экономка, она же кухарка, Саския.

В этот погожий выходной в доме номер пятьдесят пять всё шло как обычно. В прихожей висел пышный наряд члена Гильдии гведских нотариусов: просторный чёрный плащ с высоким красным воротником, чёрный же бархатный колпак с красным помпоном и красными квадратными широкими полями. В кухне на первом этаже, звеня посудой и напевая, готовила обед Саския. Как и положено кухарке – в белом фартуке и чепце, на пояске – связка ключей. Напротив кухни – столовая. В этот час столовая пустовала. Для обеда было ещё рано.

В конце коридора – лестница, ведущая на второй этаж. Там находится сердце дома – рабочий кабинет нотариуса, самая большая комната в особняке. Её стены отделаны дубовыми панелями с многочисленными грамотами и дипломами на них. Простенки между окон украшены картинами. Высокие стрельчатые окна всегда полузакрыты плотными бархатными шторами. На полу лежит толстый цветной ковёр. Прочные книжные шкафы из тёмного дерева заполнены книгами – от солидных фолиантов в твёрдых кожаных переплётах, украшенных богатым золотым тиснением, до брошюр в матерчатых обложках. Посреди кабинета стоит огромный резной письменный стол. За столом, в удобном кожаном кресле, устроился сам месьер Бенедикт Мартиниус – маленький, худой, сутулый от ежедневного многочасового сидения, совершенно лысый человечек в скромном чёрном сюртучке. В этот спокойный предобеденный час нотариус читал свежий номер «Гведского курьера». Сидя в другом кресле, Мельхиор задумчиво разглядывал чучело голубя, свисающее с бронзо-

вой люстры. Всё утро молодой человек занимался переписыванием одного очень длинного и сложного завещания, поэтому немного устал. В кабинете царила тишина. Лишь мерно тикали большие напольные часы, да шуршали газетные страницы. Пахло старыми книгами, пылью и кофе.

Нужно заметить, что месьер Мартиниус был человеком очень увлекающимся и большим любителем совать свой длинный нос в чужие дела. Так старый нотариус вёл переписку со многими историками-гведографами и часто посещал их заседания в Историческом обществе. Кроме истории месьер Мартиниус питал слабость к вельможам. В его библиотеке самое почётное место занимали тома «Гведского родословника» и «Собрания гведских вельмож», регулярно издаваемые Геральдическим департаментом королевства. Заветной мечтой тщеславного старика были золотые шпоры и титул графа, хотя барон тоже бы стоился.

А прошлым летом месьер Мартиниус вдруг заинтересовался оккультными науками. Нотариус завалил кабинет загадочными амулетами, старинными молитвенниками, обтянутыми истёртой кожей, толстыми чёрными свечами для таинственных обрядов. Тогда здесь всюду громоздились толстенные сочинения типа «Похоронный обряд Ордена Гведских Братьев и Сестёр», «Чёрная магия и ворожба», «Триста тридцать три формулы Зла», «Изготовление Настоя забвения в домашних условиях».

Прошёл год и, хотя увлечение оккультизмом не было окончательно заброшено, но сейчас первое место в списке интересов месьера Мартиниуса заняли голуби. Нотариус завёл на чердаке настоящую голубятню с десятком сизарей и ежедневно проводил там несколько часов. Он строго настрого запретил Саскии готовить жареных голубей в лимонном соке, блюдо, которое она готовила бесподобно. Напрасно экономка лила слёзы перед фигуркой Ксантии-целительницы, умоляя могущественную богиню севера спасти хозяина от очередного наваждения. Всё зря. Теперь постоянной темой разговоров за обеденным столом стали различные породы голубей, тонкости их разведения и содержания. Впрочем, Мельхиор находил, что новое хобби его шефа гораздо лучше прежнего. Всё же безобидные птички не чета кровожадным суккубам, инкубам, лешим, шишигам, жихаркам, кикиморам, анчуткам, китоврасам, вершкам, злыдням и прочей нечисти. Юноша питал инстинктивную неприязнь ко всяческой чертовщине.

Часы гулко пробили полдень. Мельхиор вздрогнул от неожиданности. Нотариус высунил длинный нос из-за газеты.

– Куда катится мир! Вчера в нашем добропорядочном Квакенбурге зверски убили придворного ювелира с Гранд-бульвара месьера Маркуса Якоби.

– Не тот ли это ювелир, которому вы, доминус [1], заказывали серьги на свадебный подарок Мелодии Зудик? – спросил Мельхиор. Молодой человек с сожалением вспомнил красавицу Мелодию. Ах, если бы прошлым летом он был посмелее!

– Тот самый. Ювелира зарезали прямо в его мастерской. На Гранд-бульваре! Это же центр столицы! Куда смотрит полиция? Просто уму непостижимо!

Мартиниус опять спрятался за газетой, но через минуту швырнул её на стол.

– Вот ведь что удумали – установить на улицах электрические фонари! Помяните мои слова, Мельхиор, эти опасные опыты с электричеством до добра не доведут!

– Но вы же пользуетесь электрическим звонком для вызова меня в кабинет, доминус? – недоумённо произнёс помощник, оторвавшись от созерцания голубиного чучела.

– Да, но каждый раз боюсь, что весь дом взлетит на воздух! – пискливо заявил месьер Мартиниус. Раздражённо сморщив длинный острый нос, он опять уткнулся в «Гведский курьер». Значит, разговор окончен. Мельхиор вернулся к созерцанию чучела, думая о том, что с возрастом шеф превращается в закоренелого ретрограда и консерватора. Впрочем, приятельство нотариуса с дядей Мелодии доктором Зудиком – тощим адептом вегетарианства, совершенно нетерпимым к вкусной и полезной пище – никого не может довести до добра.

Мельхиор вспомнил, как, сидя у них в столовой прошлой осенью в День Близнецов, доктор Зудик разглагольствовал скрипучим басом: «Вы слышали, уважаемый Бенедикт, что некие братья Вилем и Освальд Райчики с улицы Ста шагов основали общество воздухоплавания? Подумать только – воздухоплавания! Авантюризм! Якобы эти фантазёры прочитали сочинение другого фантазёра, какого-то Константина Целковика „Дирижаблеводство или поездки по небу и выше“ и оно их вдохновило на постройку летательного аппарата. Авантюризм и баловство! Ну что может быть выше неба? А знаете ли вы, уважаемый Бенедикт, что братья Август и Людвик Ломтики проводят у нас в Квакенбурге опыты с каким-то дальневидением? Говорят даже, что эти самые Ломтики придумали передавать изображение на расстояние. Да ещё движущееся! Как вам это понравится? Это ли не подрыв устоев? Нет, в наше время такого баловства не было! Надо сказать, жители Квакенбурга вообще отличаются возмутительным легкомыслием и вольнодумством. Да и не мудрено. Ведь только здесь, в Королевском университете, молодые особы обоего пола учатся вместе. И это в королевском учебном заведении! Куда смотрит его величество?! Я убеждён, уважаемый Бенедикт, всё это баловство идёт от неправильного питания».

Слушая своего приятеля-брюзгу, месьер Мартиниус поддакивал: «Совершенно согласен с вами, уважаемый Эдуард. Куда катится эта страна? Недавно моей племяннице Барабаре родители купили так называемый ногокат – простую доску с колёсиками. Это поистине дьявольское изобретение. Теперь Барабара гоняет на этом гремучем ногокате по всему Зеленграду. А ещё девочка!»

Старики обменивались сочувственными взглядами, однако Мельхиор заметил лукавый огонёк, который светился в голубых глазках нотариуса. «Уж не подсмеивается ли он над доктором?» – мелькнула догадка в голове юноши. С месьером Мартиниусом ни в чём нельзя быть уверенным. Хитрюга, каких поискать.

Снизу послышался шум. Кто-то яростно колотил в дверь особняка. Нотариус опустил газету.

– Сходите, Мельхиор, узнайте, кто к нам пришёл. Хотя сегодня я никого не жду, но, если дело срочное, приму. До обеда есть ещё час. Надеюсь, этого хватит, чтобы помочь нашему неожиданному гостю.

Мельхиор торопливо спустился в прихожую и открыл дверь. На пороге топтался месьер Реофил Кристоф Валентин Деобальд и что-то там ещё Мантия – главный судья Гвед-

ской судебной палаты, живущий по соседству. Мельхиор невольно поморщился. Мантия был всем известным голубеводом, и именно он заразил нотариуса страстью к голубям. Сейчас главный судья нетерпеливо подрыгивал на месте, что при его солидной комплекции было делать нелегко. От волнения полное лицо Мантии пошло красными пятнами. В руках он держал клетку, накрытую куском ткани.

– Добрый день, Мельхиор! Надеюсь, ваш патрон месьер Мартиниус дома? Мне необходимо немедленно с ним увидеться! Мда-с, немедленно!

Глава вторая. Почтовый голубь

Затаив любопытство, Мельхиор проводил главного судью в кабинет и хотел оставить гостя и хозяина одних, но нотариус велел помощнику задержаться. Затем обратился к соседу:

– Чем обязан, ваша честь?

– Вот, взгляните-ка на эту птичку, месьер Мартиниус, – с этими словами Мантия поставил на письменный стол клетку и осторожно снял покрывающую её ткань. И что же? В клетке сидел нахохлившийся голубь. По мнению Мельхиора, самый-пресамый обычный голубь.

– Признаться, я не вижу в этой птичке ничего особенного, – произнёс нотариус, пристально вглядываясь в голубя. – Судя по величине, сильному телосложению и клюву, окружённому наростом, имеющему вид кочана цветной капусты, это так называемый каррьер – одна из разновидностей почтовых голубей. Могу добавить, что он выглядит умирающим от изнеможения. Видимо, этот почтарь преодолел изрядное расстояние?

– Превосходно, месьер Мартиниус! – воскликнул Мантия. – Мда-с, превосходно! Вы совершенно правы. Это почтовый голубь. Причём, великолепнейший почтовый голубь! А уж я-то, поверьте, повидал их на своём веку.

Мартиниус любезно предложил разгорячённому главному судье:

– Может быть, вы, ваша честь, поведаете историю этого каррьера? Прошу вас, займите то кресло. Там вам будет удобно. Я налью нам по бокалу замечательного портобельского муската, а Мельхиор даст птице корма и воды.

Пока нотариус ухаживал за главным судьёй, Мельхиор сбегал на чердак и принёс оттуда горсть смеси из ячменя, гороха, кукурузы и пшеницы. Он насыпал зерно в клетку, потом поставил рядом с голубем плошку с водой.

– Да будет вам известно, месьер Мартиниус, – отпив сразу полбокала вина, начал свой рассказ Мантия, – что я сегодня после завтрака проводил лётную тренировку со своими питомцами. Голубям полезен солнечный свет, поэтому летом я регулярно отпускаю их в полёт по утрам, пока не слишком жарко.

– И что же случилось на тренировке? – задал вопрос Мартиниус.

– На тренировке ровным счётом ничего не случилось. Погода стояла чудесная, и мои пернатые любимцы славно полетали в синем небе. Всё было превосходно. Мда-с, превосходно! Когда они один за другим возвращались в голубятню, я машинально их пересчитывал. Это у меня давно вошло в привычку. Я и вам советую всегда так делать, месьер Мартиниус. А вдруг какого-нибудь голубя недостаёт? Но оказалось, что моих птиц стало на одну больше! Представляете моё изумление, месьеры? На всякий случай я заново пересчитал голубей, но их по-прежнему было больше!

– Весьма любопытно, ваша честь! – потёр ладошки нотариус. – Значит, к вашим голубям прибился чужак?

– Именно так! – вскричал Мантия. – Мда-с, именно так! В моей голубятне я обнаружил вот этого самого почтаря! Да ещё с окровавленным боком. Видимо он совершенно обессилен и прибился к первой попавшейся стае своих сородичей. Но самое любопытное вы ещё не знаете, месьеры. К шее голубя был привязан мешочек с посланием! С голубеграммой!

Мантия торжествующе посмотрел на своих собеседников.

– И где же это послание, ваша честь? – спросил Мартиниус.

– Вот оно! – Мантия достал из кармана маленький кожаный мешочек. – Полюбуйтесь!

– Наверное, мы должны открыть мешочек и прочитать послание, – неуверенно сказал Мельхиор.

– Стыдитесь, юноша! – укорил Мельхиора главный судья. – Людям знатного сословия не подобает читать чужие письма.

– Но ведь тогда мы не узнаем, кому предназначалась голубеграмма, и не сможем доставить её по адресу, – вступился за своего помощника Мартиниус.

– Эка беда, – пренебрежительно отмахнулся Мантия. – Мы просто дадим почтарю немного отдохнуть, после чего он спокойненько полетит дальше. Кстати, как он там, Мельхиор?

– Я прошу меня простить, ваша честь, но, по-моему, этот голубь уже никуда не полетит, – отозвался Мельхиор, указывая на клетку. Голубь, о судьбе которого рассуждали люди, неподвижно лежал кверху лапками.

– Похоже, что бедная птица скончалась, – огорчился главный судья.

– Зато теперь мы с чистой совестью можем прочитать письмо, – пропищал Мартиниус, не скрывая радости.

Мельхиор усмехнулся про себя. Он-то давно знал, насколько любопытен его шеф.

– Мда-с, теперь придётся, – вздохнул Мантия. Он развязал мешочек, вынул из него туго скатанный трубочкой тончайший пергамент, развернул послание, глянул и протянул его нотариусу.

– Читайте вы, месьер Мартиниус. У вас глаза поострее. К сожалению, я оставил свои очки дома.

Сначала Мартиниус быстро пробежал короткий текст, затем перевернул лист, чтобы убедиться, что на обратной стороне ничего нет. Остальные нетерпеливо ждали. Наконец, нотариус опустил послание на стол и разочарованно сказал:

– Письмо написано шифром.

– Какая неудача! – огорчился Мантия. – Надеюсь, вы сможете его расшифровать, месьер Мартиниус?

– Если вы оставите послание у меня, ваша честь, я попробую.

Когда главный судья отправился домой, нотариус вытащилдохлого голубя из клетки.

– Что вы хотите сделать с бедной птицей, доминус? – спросил Мельхиор шефа.

– Просто осмотрю.

Поместив голубя на стол, Мартиниус принялся внимательно разглядывать мёртвого почтаря.

– Глядите, мой мальчик. Месьер Мантия не ошибся. Эта несчастная птица была серьёзно ранена.

Мельхиор подошёл ближе и склонился над столом. Действительно, в боку голубя виднелась едва затянувшаяся рана.

– Видимо, поэтому каррьер и погиб, не долетев до цели, – заметил нотариус, осторожно трогая слипшиеся от крови перья.

– Какая же у него была цель, доминус? – спросил Мельхиор.

Мартиниус пожал плечами.

– Не знаю. Чтобы это узнать, нам необходимо расшифровать послание. Будьте так любезны, Мельхиор, подайте мне «Криптографию и шифрование» Хенрика Абсолона. Если мне не изменяет память, она должна стоять в том шкафу.

Мельхиор с трудом вытащил тяжеленный том с самой верхней полки и водрузил его перед нотариусом. Мартиниус улыбнулся своему помощнику.

– Спасибо, Мельхиор. Теперь вы свободны. Оставьте меня на время одного. Можете пока сходить погулять. Молодым людям вредно сидеть взаперти, когда на улице стоит такая чудесная погода. А я займусь этим таинственным сообщением.

Глава третья. Расшифрованное послание

Месьер Мартиниус настолько увлёкся расшифровкой голубеграммы, что даже пропустил обед. Обеспокоенная его отсутствием в столовой Саския пошла к нему, но нотариус, не поднимая глаз от заваленного исчёрканными бумагами стола, только что-то раздражённо пробурчал. Сконфуженно шепча: «Помилуй меня Деус!», экономка на цыпочках вышла из кабинета, тихонечко прикрыла за собой дверь и больше уже не отваживалась беспокоить хозяина. Пришлось Мельхиору обедать в одиночестве. А обед стоил того, чтобы его не пропускать. На первое Саския приготовила вкуснейший супчик с куриной лапшой, на второе запекла в духовке курицу с овощами, а на десерт нажарила маленьких пончиков, обсыпанных сахарной пудрой, с начинкой из малинового варенья, которые Мельхиор особенно любил.

К ужину Мартиниус тоже не вышел.

– Вы бы сходили к хозяину, молодой месьер, – жалобно сказала Саския, когда Мельхиор вечером спустился в столовую. – Узнали бы, всё ли с ним в порядке.

– Не волнуйтесь, Саския, – усмехнулся юноша. – Месьер Мартиниус занят очень сложным делом. Сейчас лучше ему не мешать. Проголодается, сам прибежит.

Пожинав, Мельхиор поднялся на второй этаж. Дверь в кабинет нотариуса была закрыта. Из-под неё пробивался свет. Значит, Мартиниус всё ещё работал. Мельхиор поднял было руку, чтобы постучать, но передумал. Он ушёл к себе, немного почитал перед сном, потом разделся, лёг в постель и задул свечу.

Когда на следующее утро Мельхиор вошёл в столовую, он был поражён. Месьер Мартиниус, как ни в чём не бывало, пил горячий шоколад, ел пирожные и дружелюбно болтал с Саскией, которая радостно хлопотала вокруг него. Надо заметить, что в последнее время старик стал отчаянным сладкоежкой.

– Доброе утро, мой юный друг! – приветствовал юношу Мартиниус. – Нельзя спать так долго. Завтракайте и отправляйтесь к месьеру Мантии. Я хочу, чтобы он, как можно скорее, был здесь. Мне не терпится прочитать ему послание, принесённое голубем.

– Так вам всё же удалось его расшифровать, доминус?

Мартиниус приосанился, задрал длинный нос.

– Неужели вы сомневались во мне, Мельхиор? Да я расколол этот шифр, как грецкий орех!

Мельхиор хотел заметить, что орехи колют гораздо быстрее, но не стал этого делать. Лишь улыбнулся про себя: «Вот ведь старый хвастунишка!»

Мельхиор не успел выполнить поручение нотариуса. Юноша ещё наслаждался миндальными пирожными, как в дверь постучали. Мантия тоже сгорал от нетерпения, узнать содержание письма.

– Итак, я весь внимание, месьер Мартиниус, – произнёс главный судья, усевшись с бокалом портобельского муската в то же кресло, что и накануне. – Вы прочитали письмо?

Мартиниус напустил на себя значительный вид.

– Признаюсь, ваша честь, это было очень нелёгкое дело – расшифровать текст, к тому же написанный на другом языке, – тут нотариус скромно опустил глазки, – но я справился.

– О, дорогой месьер Мартиниус, я ни секунды не сомневался, что вы сможете это сделать! А на каком языке было написано письмо?

– Послание прилетело к нам из Аксамита, главного города Жёлтой страны и написано на языке имолов.

– Имолов?! – поразился Мантия. – Племена дикарей? Вот уж никогда бы не догадался. И как же вы перевели это письмо?

– В моей библиотеке есть единственный словарь языка имолов, составленный много лет назад несчастным Микаэлем Арбузиком, профессором-полиглотом из Гведского королевского университета.

– Почему вы назвали профессора Арбузика несчастным, доминус? – спросил Мельхиор.

– Невежественные имолы приняли учёного за злого колдуна и казнили. Говорят, профессор Арбузик был сначала оплёван с головы до ног верблюдами кочевников, а затем растоптан в лепёшку. Жестокие тогда царили нравы в Жёлтой стране.

– Имолы и сейчас не очень-то изменились, – проворчал Мантия. – У них закон один – нож! Жёлтая страна и через пять десятилетий благотворного гведского владычества всё ещё дикий край, населённый неблагодарными дикарями. Представляете, месьеры, они предпочли сбежать в жаркие пески пустыни от милостей нашего обожаемого монарха. Мда-с, просто-напросто сбежать!

В разговоре наступила пауза. Главный судья с возмущением смотрел на Мартиниуса, но тот не обращал на Мантию внимания. Нотариус, достав из стола мелкоскоп, в сотый раз изучал удивительное послание из далёкого Аксамита с помощью мощных увеличительных линз.

– А что означает слово «имол», доминус? – задал вопрос шефу Мельхиор. – К своему стыду должен признаться, что почти ничего не знаю о жителях Жёлтой страны.

Мартиниус неохотно оторвался от окуляра мелкоскопа.

– На их странном языке это слово означает «человек».

Нотариус хотел снова уткнуться в мелкоскоп, но Мантия взмолился:

– Так прочитайте же, наконец, нам письмо, дорогой месьер Мартиниус! Я больше не выдержу!

Довольный старик взял в руки пергамент и начал читать вслух своим писклявым голоском: «Великому бошкуну имолов Амальрику, пусть Творец всего сущего дарует ему тысячу лет жизни. Отец! Чародей из Аксамита похитил меня и силой заставил написать это письмо. Чародей будет ждать тебя или Бабауса в заброшенном доме у площади Семи дорог в Аксамите ровно в полночь седьмой луны этого месяца. Ты знаешь это проклятое место. На первом этаже дома есть большой зал. Там вы встретитесь. Ты узнаешь его по зубам цвета свежей крови. Больше ни с кем проклятый колдун встречаться не желает. Если же ты этого не исполнишь, то меня ждёт скорая и лютая смерть. Я убедилась в его могуществе. Поверь, он больше, чем человек! Его не обманешь, не схватишь. Он может быть везде и нигде. Я умоляю тебя согласиться на требование чародея из Аксамита! Спаси меня, отец! Твоя дочь Цветок Персика».

– Бедная барышня. Какое трагическое письмо, – нарушил Мантия тишину, воцарившуюся после прочтения.

– Почему же голубь принёс голубеграмму, адресованную великому бошкуну имолов, в Квакенбург? – удивился Мельхиор. – Ведь имолы населяют Жёлтую страну?

– Глава имолов, этот самый великий бошкун Амальрик, живёт здесь, – пояснил главный судья. – Вы все знаете, что Жёлтая страна была покорена полвека назад королём Людвигом Третьим, отцом ныне здравствующего Флориана Миролюбивого и превращена в ещё одну провинцию Гведского королевства. С тех пор имолы много раз пытались освободиться из-под благодетельной власти наших королей, но всегда безрезультатно. Многие племена дикарей до сих пор скитаются по Великой Жёлтой пустыне. Они не признают над собой ничьей власти, кроме власти великого бошкуна да разве что колдовского Братства Жёлтой Звезды, поэтому ещё несколько лет назад его величество король Флориан, храни его Гведикус, повелел верховному вождю имолов Амальрику постоянно находиться при своем дворе в Квакенбурге. Амальрика наградили Большим крестом с лентой и звездой ордена Гведского орла, выделили роскошный дворец на Гранд-бульваре, назначили достойное его высокого положения содержание и не спускают с него глаз, разумеется.

– Так что же нам делать с письмом Цветка Персика? – вернул всех к делу Мельхиор.

– Да-да, голубчик! – засуетился нотариус. – Я немедленно напишу записку этому месьеру Амальрику и попрошу вас, Мельхиор, отнести её вместе с голубеграммой во дворец великого бошкуна. Вы как раз успеете это сделать до обеда.

– А что у вас сегодня на обед, месьер Мартиниус? – заинтересовался главный судья.

– Тушёный рубец по-ксантски. Моя экономка Саския его очень вкусно готовит. Саския родом из-под Ксанта и часто балует нас с Мельхиором северными блюдами. Оставайтесь у нас отобедать, ваша честь. Из напитков могу предложить белое, красное или розовое столовое вино из виноградников Южной Александрии. Впрочем, сам я предпочитаю золотистую хинную настойку из Новой Гвееции, но её подают только в «Румяном яблоке», что на аллее Старого короля.

Расплывшись в улыбке, Мантия погладил свой объёмистый живот.

– Благодарю за приглашение. Я с удовольствием его принимаю, месьер Мартиниус. Давненько я не пробовал настоящий тушёный рубец. Мда-с, давненько!

Глава четвёртая. Великий бошкун имолов

Утро следующего дня в доме номер пятьдесят пять на Зелёной улице началось с ужасно противного рёва перед входной дверью. Полуодетый Мельхиор скатился по лестнице вниз, пробежал мимо испуганной экономки и поспешно распахнул дверь. На пороге стоял смуглый, крючконосый, с иссиня-чёрной бородой человек в расшитом алыми шнурками шафрановом кафтане, сжимая в руке бронзовый рог, который он упирал себе в бедро. Кафтан бородача был туго подпоясан широким ярко-жёлтым кушаком, голова обмотана тюрбаном такого же попугайного цвета. Человек нисколько не походил на квака – коренного жителя Квакенбурга.

– Что вам угодно, месьер? – спросил Мельхиор незнакомца.

– Мне поручено возвестить о том, что великий бошкун имолов Амальрик, пусть он светит нам, пока светит солнце!, прибудет через час! – гортанным голосом выкрикнул бородач. После этих слов незнакомец, а вернее глашатай, как сообразил Мельхиор, пятясь и низко кланяясь, удалился.

– Мельхиор, кто это припёрся к нам в такую рань? – недовольно пропищал сверху нотариус, едва юноша закрыл дверь.

– Какой-то малый, разряженный словно циркач, доминус. Он просил вам передать, что через час к нам явится никто иной, как великий бошкун имолов.

– Ах, вот как? Весьма любопытно. Значит, нужно поторопить Саскию с завтраком.

Едва обитатели особняка уселись за стол и приступили к ванильным кексам, снаружи послышался уже знакомый рёв рога. Дёрнувшись, Мартиниус раздражённо попросил Мельхиора:

– Сходите, мой мальчик, посмотрите, что там ещё такое.

Открыв входную дверь, Мельхиор увидел прежнего бородач в шафрановом кафтане. Юноша хотел задать ему вопрос, что он здесь делает, но глашатай выкрикнул:

– Мне поручено возвестить о том, что великий бошкун имолов Амальрик, пусть он светит нам, пока светит солнце!, прибудет через три четверти часа!

– Не стоило трудиться, уважаемый. Мы ждём вашего хозяина, – всё же успел сказать Мельхиор, пока бородач пятился к улице.

– Завтракайте спокойно, доминус. Глашатай приходил передать, что у нас есть ещё три четверти часа до визита месьера Амальрика, – сообщил шефу Мельхиор, вернувшись в столовую.

Пискляво хмыкнув, Мартиниус ничего не сказал. Когда нотариус и его помощник, закончив завтрак, пили кофе, за окном опять раздался противный рёв рога.

– Мне поручено возвестить о том, что великий бошкун имолов Амальрик, пусть он светит нам, пока светит солнце!, прибудет через полчаса! – выкрикнул глашатай прямо в лицо Мельхиору.

– Я думаю, доминус, нам осталось выдержать ещё одно-единственное появление человека с бронзовым рогом, – успокаивающе сказал Мельхиор взбешённому нотариусу, в очередной раз возвратившись в столовую.

– Попробуйте больше не открывать дверь, – свирепо пропищал Мартиниус. – Посмотрим, что тогда будет делать этот надоеда!

Поспешно допив кофе, нотариус поднялся в кабинет. Мельхиор последовал за шефом. В кабинете, чтобы успокоиться, Мартиниус занялся чтением «Гведского родословника». Его помощник праздно сидел в кресле и поглядывал на часы. Услыхав в очередной раз рёв рога, Мельхиор не пошевелился. Нотариус, покосившись на юношу, промолчал. Глашатай подождал с минутку и, так ничего и не дождавшись, изо всех сил выкрикнул в закрытую дверь:

– Мне поручено возвестить о том, что великий бошкун имолов Амальрик, пусть он светит нам, пока светит солнце!, прибудет через четверть часа!

Наверху Мартиниус с облегчением захлопнул толстый том.

– Ну вот и всё, Мельхиор. Этот кошмар, наконец, закончился. Осталось подождать всего пятнадцать минут. Надеюсь, прибытие самого месьера Амальрика будет не таким шумным.

Но старик надеялся совершенно напрасно. Точно в указанное время на улице началась настоящая какофония. Противно заревели рога и морские раковины, оглушительно зазвучали гонги, низко загудели барабаны, резко зазвенели цитры. Великий бошкун имолов Амальрик прибыл на Зелёную улицу!

– О, Создатель! Это просто невыносимо! Я умоляю вас, Мельхиор, впустите поскорее месьера Амальрика и проводите его ко мне, – страдальчески сморщил свой длинный нос нотариус.

Мельхиор торопливо отпер дверь и ахнул. На этот раз всё пространство перед домом было запружено народом. Несколько музыкантов в шафрановых кафтанах, не жалея усилий, наяривали в свои экзотические инструменты. Среди них, раздувая щёки, дул в бронзовый рог давешний глашатай. За оркестром виднелся лакированный паланкин, словно гроб на похоронах, медленно плывущий к особняку нотариуса. Паланкин несла на себе целая орда полуголых жилистых носильщиков. Вокруг них шагали смуглокожие, чернобородые воины, вооружённые арбалетами и изогнутыми саблями в изукрашенных ножнах.

– Ликуйте, недостойные! Вам оказана великая честь. Сейчас вы будете лицезреть великого бошкуну имолов Амальрика, пусть он светит нам, пока светит солнце! – выступая из толпы, надменно проговорил высокий мрачный субъект, с головы до пят закутанный в чёрный плащ. – Я – Бабаус, уста великого бошкуну имолов или, по-вашему, первый секретарь.

Мельхиор посмотрел на Бабауса и невольно отвёл взгляд. Первый секретарь внушал трепет. Орлиный нос, брови-гусеницы, жутковатый блеск в агатовых глазищах, тень щетины на впалых щеках отшельника.

– Очень приятно, месьер Бабаус, – растерянно пробормотал юноша. – Разрешите представиться. Я – Мельхиор Ян Лукас, первый и единственный секретарь месьера Мартиниуса, нотариуса. Прошу следовать за мной.

Чтобы паланкин попал в дом, пришлось открыть вторую створку входных дверей, которую сроду не открывали. Под ушераздирающие звуки варварского оркестра, к счастью, оставшегося на улице, Мельхиор повёл следом за собой наверх целую процессию: мрачного Бабауса, бородатых воинов, полуголых носильщиков с их громоздкой поклажей. Каким-то чудом лестница на второй этаж оказалась достаточно прочной. Юноша распахнул широкие двери в просторный кабинет нотариуса и носильщики, напрягая жилы и покрываясь потом, всё же кое-как втащили тяжёлую конструкцию внутрь.

Мельхиор скромно встал за спиной Мартиниуса, который, сидя за письменным столом, ошеломлённо наблюдал за этой картиной. Носильщики преклонили колени и осторожно опустили паланкин на ковёр. Затем они уселись на корточки вдоль стены, приклеившись к ней потными спинами. Воины заняли позицию у двери в готовности по первому же знаку своего господина перерезать глотку кому угодно. Громадный тёмнокожий детина, настоящий великан, установил напротив стола нотариуса высоченное, похожее на трон кресло, накидал на сиденье бархатных подушек. Бабаус подошёл к окну и резко махнул рукой. Какофония снаружи мгновенно смолкла.

– Великий бошкун имолов Амальрик, пусть он светит нам, пока светит солнце! – громогласно выкрикнул всё тот же глашатай, незаметно втёршийся в толпу воинов.

Как по команде носильщики у стены с грохотом пали ниц. Воины встали на одно колено, схватившись за рукояти кривых сабель. Бабаус откинул златотканый полог у паланкина. Оттуда показалась пухлая рука. Она щёлкнула короткими пальцами, унизианными кольцами. Громадный детина (Мельхиор никогда не видел таких больших людей) подхватил руку и вытащил из паланкина низенького невероятно толстого человека в золотисто-жёлтом наряде. Через плечо толстяка струилась чёрная муаровая лента ордена Гведского орла, к которой был прикреплен большой крест. Грудь украшала орденская звезда, усыпанная драгоценными камнями. Из-под носа Амальрика, словно гигантские замёрзшие сопли, полумесяцами вздымались навощённые усищи. Жирную шею скрывала кольеретка из птичьих перьев и несколько рядов янтарных бус. В ушах блестели золотые серьги в виде скорпионов. На тюрбане сверкал крупный бледно-жёлтый бриллиант в форме сердца. Кабинет наполнился ароматом розового масла.

Великан отнёс великого бошкуна к креслу, усадил на подушки, а сам встал на четвереньки у подножия. Амальрик поставил свои ноги на спину богатыря, поправил орденскую ленту и удовлетворённо вздохнул.

– Ну вот и я, милейший месьер Мартиниус, – произнёс великий бошкун сладким голосом. – Прошу простить за вторжение, но мне нужно с вами поговорить.

– Я готов вас выслушать, месьер Амальрик, – коротко ответил нотариус.

Толстяк мягко хлопнул в ладоши. Низко ему поклонившись, Бабаус рявкнул:

– Хоп, бошкун!

Потом первый секретарь повернулся к свите и яростно взревел:

– Ждите снаружи, псы!

Носильщики вскочили на ноги, перемешались с воинами, и вся пышная свита великого бошкуну бросилась вон. Через мгновение в кабинете остались лишь Амальрик, Бабаус, да здоровяк на четвереньках под ногами своего повелителя. Ну и Мартиниус с Мельхиором, разумеется.

– Наконец-то можно спокойно побеседовать, – сказал Амальрик, когда топот придворной орды затих внизу. – Сейчас я расскажу, милейший месьер Мартиниус, какое важное дело привело меня сюда.

Глава пятая. Просьба Амальрика

Амальрик выждал паузу, но все молчали, тогда он продолжил:

– Вчера этот молодой человек, как я догадываюсь ваш слуга, доставил мне письмо от моей дочери, которое по случайности попало к вам.

Недовольно сморщив нос, Мартиниус перебил толстяка:

– Месьер Лукас не слуга, а мой секретарь. У меня нет слуг, только помощники – секретарь и домоправительница.

Амальрик удивлённо пожал плечами.

– Да что вы? Не иметь прислуги – себя не уважать, милейший месьер Мартиниус. Я просто представить не могу, как вы обходитесь без слуг. Впрочем, это ваше дело. Гведские нравы и обычаи часто ставят меня в тупик.

Великий бошкун достал из кармана своего золотисто-жёлтого одеяния овальное перламутровое зеркальце, полюбовался усищами, кое-что в них поправил, снова полюбовался, довольно поцокал языком и протянул зеркальце нотариусу.

– Взгляните-ка на обратную сторону, милейший месьер Мартиниус.

Бабаус подскочил к Амальрику, почтительно принял зеркальце из пухлой руки своего повелителя и с поклоном вручил его Мартиниусу.

Мельхиор через плечо шефа тоже посмотрел на обратную сторону изящной вещицы. Там находился портрет изумительно красивой девушки, выполненный по эмали. Благодаря искусному художнику девушка выглядела как живая. Нежно-розовый бархат щёк, чуть раскосые карие очи с поволокой, точёный носик, вишнёвый лук капризного рта, родинка над верхней губой, роскошная коса. В блестящие чёрные волосы вставлен розово-фиолетовый цветок гибискуса. Красивое, но вместе с тем высокомерное личико. Сердце Мельхиора забилося чаще.

– Моя дочурка Цветок Персика, – с гордостью произнёс Амальрик. – Разве она не прекрасна?

– Наверное, иметь такую дочь-красавицу – это великое счастье, месьер Амальрик, – вежливо отозвался нотариус.

Но великий бошкун нахмурился.

– Если то, что я слышал о вас, милейший месьер Мартиниус, правда, то вы наверняка смогли прочитать письмо Цветка Персика. Не так ли?

Мартиниус, молча, кивнул. Голос Амальрика разом утратил всю сладость:

– Я понимаю, что иначе вы не узнали бы, куда нужно доставить письмо, поэтому прощаю вашу дерзость. Однако, теперь вы в курсе моих семейных дел.

Мельхиор с беспокойством посмотрел на своего шефа, но внезапно вся исчезнувшая паточка вернулась к Амальрику. Голосом опять сладким, как сахарная вата, толстяк сказал:

– Я прошу вашей помощи, милейший месьер Мартиниус.

– В чём же будет заключаться моя помощь?

– Цветок Персика должна быть спасена. Я бы немедленно отправился в Аксамит сам, но из-за королевского указа не могу покидать пределы Квакенбурга. Я скучаю по Палатиуму – своему скромному жилищу в Аксамите. Даже роскошный дворец на Гранд-бульваре не может мне заменить родной дом, однако король Флориан Миролюбивый, да уберёжёт его милосердный Творец всего сущего от тысячи бед, нуждается в таком советнике, как я. До встречи с проклятым чародеем остаётся всего четыре луны или, по-вашему, дня. Я решил послать в Аксамит моего первого секретаря Бабауса, а вас, милейший месьер Мартиниус, прошу сопровождать его, – великий бошкун важно выпрямился в кресле и надул толстые щёки. – Я – самый могущественный правитель в Жёлтой стране! Мои владения простираются от Аксамита до Крокодильего оазиса и от Крокодильего оазиса до самого... самого... В общем, очень далеко простираются, – Амальрик подмигнул нотариусу. – Вам, крючкотворам, обычно перепадают лишь крохи от чужих завещаний, а я щедро награжу вас за услугу, милейший месьер Мартиниус.

Амальрик хлопнул в ладоши.

– Бабаус!

– Хоп, бошкун! – рявкнул Бабаус. Первый секретарь достал из паланкина увесистый кожаный мешочек, в котором что-то приятно звякало, и положил его на стол перед Мартиниусом.

– Здесь сотня золотых флорианов, – проговорил Амальрик. – Это вам на расходы. После того как Цветок Персика окажется в безопасности, вы получите ещё столько же.

«Ого! – прикинул в уме Мельхиор. – Вместе это составит десять тысяч гведских крон! Моё жалованье за пятьдесят месяцев».

– Что я должен сделать за эти деньги? – сдержанно задал вопрос нотариус, не касаясь мешочка.

– Разумеется, найти и вырвать из лап чародея из Аксамита мою дочурку. Что же ещё?

– А месьер Бабаус?

– Боюсь, что одному Бабаусу такая задача может оказаться не по плечу.

Мельхиор невольно бросил взгляд на Бабауса. Первый секретарь, скрестив руки на груди, неподвижно застыл возле кресла, но агатовые глазищи уст великого бошкун имолов метали молнии.

– Я навёл о вас справки, милейший месьер Мартиниус, – признался толстяк. – Невозможно скрыть вашу мудрость, как невозможно скрыть солнце, пустыню и езду на верблюде. Такой человек мне и нужен. В помощь я вам дам ещё вот его, – толстяк топнул ногой по широкой спине великана, скорчившегося перед креслом. – Андро вообще ни говорить, ни думать не умеет. По воле Творца его рот нем, но уши открыты. Зато эта гора мышц отлично выполняет приказы. Андро – это железный гигант. Если вам будет грозить опасность, он встанет на задние лапы и пойдёт крушить. Вас будет трое, а считая с Андро будто десятеро.

– Вы уверены, что это письмо написала ваша дочь? – прервал хвостовство Амальрика Мартиниус.

– Да, без всякого сомнения – это её рука.

– Каким же образом Цветок Персика оказалась в Аксамите?

Великий бошкун издал кудахчущий смешок.

– Дочурка у меня своенравная. Вся в папочку. Она не любит Квакенбург, зато обожает Аксамит. Мне-то нельзя покидать городской черты, а Цветок Персика вольна делать всё, что заблагорассудится. Она часто ездит в Аксамит к своему наставнику.

– Кто такой этот наставник?

Великий бошкун закатил заплывшие глазки.

– О, Растений Банджо – это единственный образованный имол. Не считая меня, конечно. Он – профессор чёрной, серой и белой магии, почётный друид Голубой страны, народный шаман и волхв Красной страны, заслуженный маг Жёлтой страны, доктор алхимических наук. Одно время профессор Банджо занимал должность городского архивариуса и библиотекаря, но другие времена – другие нравы. Он не пришёлся по душе гведскому военному коменданту, пришлось ему уйти в отставку. С самого детства Цветок Персика проходила обучение у Растения Банджо. Привязанность к нему дочурка сохранила по сей день.

– Ваша дочь давно уехала в Аксамит?

– Неделю назад. Точнее восемь лун или, по-вашему, дней. Вернулась из Жёлтой страны, покрутилась в Квакенбурге всего неделю и, взяв с собой своего шута и голубя для быстрой связи, опять умчалась в Аксамит.

– А кто такой этот чародей из Аксамита?

Амальрик опасно огляделся и понизил голос:

– У нас, имолов, есть старинное предание о злом маге с красными зубами, который, чтобы избежать смерти, превратился в чудесный свет. Имя этого мага давно забыто, поэтому

его называют чародеем из Аксамита. Говорят, он – один из колдунов-основателей зловещего Братства Жёлтой Звезды, в котором всегда только шесть членов. В предании говорится, что однажды чародей из Аксамита вернётся и опять начнёт творить свои чёрные дела. Неужели пророчество свершилось? Это невероятно! – толстяк начертал охранительный знак в воздухе. – Может быть, это какой-то жулик выкрасил зубы и выдаёт себя за чародея из Аксамита? Я подозреваю, что у этого злодея в подручных ходит целая шайка! Скажу вам по секрету, милейший месьер Мартиниус, власть гведского короля, да убержёт его милосердный Творец всего сущего от тысячи бед, в Жёлтой стране только днём, а ночью безраздельно царствует Братство Жёлтой Звезды

– Какие же требования могут быть у чародея из Аксамита?

Великий бошкун развёл руками.

– Не знаю. Может быть, он хочет получить выкуп. Я согласен заплатить, конечно, в разумных размерах, но нужен надёжный человек, такой как вы, милейший месьер Мартиниус, чтобы сделка прошла честно. У нас имолов это в порядке вещей: платить выкуп за украденного верблюда, пленника или невесту.

– А если чародею не нужен выкуп?

Амальрик изменился в лице.

– Тогда всё становится гораздо хуже. Чародей из Аксамита может не убить Цветок Персика, а, например, жениться на ней. Благодаря своему колдовству он сам станет великим бошкуну. Неужели он хочет отнять у меня власть, богатство и любимую дочурку? Один Творец всего сущего знает, что в голове у этого негодяя!

Великий бошкун с трудом наклонился к нотариусу и спросил елейным голосом:

– Так мы договорились, милейший месьер Мартиниус?

Глава шестая. Ещё не поздно отказаться

– Зачем вы согласились, доминус? – недовольно пробурчал Мельхиор за ужином.

Мартиниус оторвался от рыбной похлёбки из морского окуня.

– Я давным-давно мечтал побывать в Аксамите, мой мальчик. Глупо упускать такую возможность. Заодно и девушку прекрасную спасу да ещё и денег заработаю.

– Но эта история может оказаться очень опасной! Вы один среди нецивилизованных имолов. Вас не пугает страшный конец профессора Арбузика? Вы помните, что об этих дикарях говорил главный судья Мантия?

Нотариус улыбнулся своему помощнику.

– Вы напрасно так беспокоитесь, Мельхиор. Я уверен, что главный судья Мантия и месьер Амальрик несколько сгущают краски. Аксамит достаточно цивилизованный город. Город-сказка посреди пустыни. Вернее Великая Жёлтая пустыня начинается сразу за ним.

Замолчав, Мартиниус отправил в рот ещё одну ложку похлёбки, со вкусом пожевал, проглотил, затем поднял голубые глазки на кислого Мельхиора.

– И потом, почему один? Вы ведь, без сомнения, поедете со мной, голубчик?

Мельхиор чуть не поперхнулся. Он так и знал, что кончится именно этим! Мельхиор терпеть не мог покидать уютный особняк на Зелёной улице, но с таким беспокойным шефом ему, то и дело, приходилось отправляться в разные медвежьи углы. Так позапрошлым летом они ездили в восточном направлении, посетили замок Три Башни за рекой Кроной, где оказались замешаны в расследование смерти хозяина замка графа Де-Бурга [2], а прошлым летом побывали на северо-западе, в Гвинбурге – заштатном городишке на опушке дремучего Гвинского леса [3]. Тогда с ними была девятилетняя племянница нотариуса Барабара. После возвращения в Квакенбург болтушка Барабара рассказала родителям о том, как они проводили время в Гвинбурге. Потрясённые родители дали себе слово больше никогда не отпускать своего ребёнка со столь безответственным дядей. Теперь им предстоит совершить путешествие в далёкий Аксамит, в Жёлтую страну, об обитателях которой Мельхиор уже услышал столько дурного.

– Что-то засиделись мы на Зелёной улице, Мельхиор! – не обращая внимания на несчастное лицо помощника, с воодушевлением продолжал Мартиниус. – Времени у нас мало, поэтому сегодняшний вечер я отвожу на сборы, а завтра утром мы отправляемся в стремительный вояж на юго-запад. Это просто замечательно, не правда ли? Или вы не согласны со мной, мой мальчик?

– Хоп, бошкун, – вздохнул Мельхиор.

Обрадованный предстоящей поездкой, Мартиниус даже отказался от посиделок с доктором Зудиком в «Румяном яблоке», что на аллее Старого короля. Для тех, кто не знаком с Квакенбургом, скажем, что эта старинная аллея одним концом выходит к Королев-

скому замку, а другим – упирается в монумент «Тысячелетие Гвевии». Аллея Старого короля появилась ещё при Алкуине – первом правителе Квакенбурга. Это он посадил кедр на пустыре перед Королевским замком в честь своего восшествия на престол. С тех пор так и повелось. Каждый новый король сажал какое-нибудь дерево и постепенно пустырь превратился в настоящий ботанический сад, где росли ели, сосны, кедры, буки, тополя, дубы, клёны и много других деревьев. Следующий после Алкуина король, его сын Алкуин Второй, повелел не называть улицы Квакенбурга именами гведских королей. Королей со временем наберётся много и где тогда набрать на всех красивых улиц, а называть монаршим именем какой-нибудь грязный закоулок как-то негоже. Поэтому теперь память о всех правителях Гвевии хранили вековые деревья на аллее Старого короля.

В «Румяном яблоке» старики регулярно дегустировали золотистую хинную настойку. Надо признать, что месьер Мартиниус питал слабость к золотистой хинной настойке и блюдам из морской рыбы. К его большому недовольству в Квакенбурге трудно было достать и то, и другое. Настойку в малых количествах привозили лишь хозяину «Румяного яблока», который сам был родом из Новой Гвевии. Море от Зелёной страны находилось далеко, и морская рыба стоила очень дорого. Впрочем, мы отклонились от темы.

Закончив ужин, Мартиниус позвал Мельхиора и Саскию в свой кабинет, чтобы распорядиться о приготовлениях к неожиданному путешествию. Когда экономка услышала, что хозяин с помощником завтра уезжают один Гведикус знает куда, она растерянно пролепетала:

– Но, хозяин, я же ещё не закончила ваш шарф!

Зимой нотариус сильно простудился и даже слёг на несколько дней. Правда, благодаря лечению доктора Зудика он довольно быстро поправился, но заботливая Саския решила связать для Мартиниуса длинный тёплый шарф из цветной шерсти. С тех пор она каждый вечер прилежно стучала спицами в своей комнатке. Этим шарфом уже можно было обмотать щуплого старика целиком, но Саскии казалось, что шарф всё ещё коротковат.

– В Жёлтой стране шарф мне не понадобится, дорогая Саския, – улыбнулся Мартиниус. – Там стоит вечное лето. Лучше позаботьтесь о провизии.

Когда опечаленная Саския удалилась на кухню, нотариус указал Мельхиору на кресло.

– Садитесь, мой мальчик. Я задержу вас на несколько минут.

Послушно усевшись, Мельхиор принял из рук шефа рюмочку сливовой наливки.

– Угощайтесь, Мельхиор. У нас был утомительный день, и мы заслужили небольшую награду.

– Неужели вы поверили сказке о воскресшем злом маге, доминус? – спросил юноша.

Мартиниус пожал плечами.

– Я не верю, но чувствую, что за всем этим что-то кроется. Вот и интересно было бы разгадать эту загадку. То, что Братство Жёлтой Звезды действительно существует, вы сами

знаете, Мельхиор. Ведь не забыли же вы того кровавого убийцу из Гвинбурга? Помните, его дочь нам сообщила, что он был одним из шести волшебников Братства и занимался у них ядоведением? Кажется, вам нравилась эта девушка?

Лукаво улыбаясь, нотариус подмигнул своему помощнику. Мельхиор порозовел от смущения. Конечно, он помнил, как прошлым летом влюбился в красавицу-брюнетку с алебастровой кожей и чёрными бездонными глазами, которая доставила им столько неприятностей. Но что было, то прошло. Сейчас дочь злого волшебника, как любая нормальная женщина с удовольствием нянчится со своими детишками. Весной у неё родились две хорошенькие близняшки.

– Но речь пойдёт не об этом, мой юный друг. – серьёзно проговорил Мартиниус. – Я хочу сказать, что вам ещё не поздно отказаться от этой поездки.

– Что вы такое говорите, доминус? – удивился Мельхиор. Такого поворота от шефа он не ожидал.

– Да-да, Мельхиор, вы не ослышались. Когда за ужином вы сказали, что эта история может оказаться очень опасной, я задумался: а что если вы правы и увлекательное путешествие в экзотическую Жёлтую страну станет поездкой в ад? Я несу за вас ответственность, Мельхиор, не должен подвергать вас опасности, поэтому оставайтесь-ка вы лучше дома. Что вы на это скажете?

Мартиниус впился своими пронзительными глазками в лицо Мельхиора. Юноша ответил нотариусу таким же прямым взглядом и твёрдо произнёс:

– Нет, доминус, так не пойдёт. Куда вы, туда и я.

Старик растроганно воскликнул:

– В самом деле? Тогда дайте мне пожать вашу руку, мой мальчик! Я могу вам пообещать только одно: скучно нам не будет!

Осушив рюмочки с настойкой за благополучный исход дела, нотариус и его молодой помощник разошлись по своим комнатам.

Лёжа в постели, Мельхиор снова и снова перебирал в уме события прошедшего дня. Несмотря на удовлетворение от проявленной смелости, юноша совершенно не был уверен, что поступил правильно. Не сделал ли он ошибку, поддавшись чувству долга перед своим шефом? Мельхиор вспомнил Амальрика, Бабауса, гиганта Андро, сивиту. Их яркие наряды, бородатые смуглые лица с горячими глазами, непривычные нравы. Что ждёт его среди этих странных, совершенно чужих людей? Вернётся ли он в уютный особняк на Зелёной улице?

Слышно было, как часы в кабинете нотариуса пробили полночь. Сон всё не шёл.

«А, ладно, будь, что будет! – наконец, решил Мельхиор. – Хватит переживать, словно барышня! Чему быть, того не миновать». Мельхиор повернулся на бок и смежил веки.

***

В огромном мрачном зале было почти темно. Лишь по углам алтаря горели высокие свечи. У алтаря, украшенного странными знаками, застыл невероятно высокий человек в длинном чёрном плаще с капюшоном, скрывающем лицо.

– Не двигайтесь, мой мальчик, чтобы ни происходило, – прошептал на ухо Мартиниус. – Этим вы спасёте себе жизнь.

– Кто этот человек возле алтаря? – тоже шёпотом спросил Мельхиор.

– Это чародей из Аксамита.

Мельхиора обдало волной холода.

– Что он делает, доминус?

– Он проводит обряд.

– Какой обряд?

– Обряд жертвоприношения.

Откуда-то донёсся звук гонга. Его эхо громом прокатилось по залу. К алтарю подошли четверо, закутанные в такие же, как у высокого человека, длинные плащи с надвинутыми на глаза капюшонами.

– А это кто?

– Это остальные члены Братства Жёлтой Звезды.

Люди в плащах принесли с собой магический кристалл, внушительных размеров, кинжал, причудливой формы, четыре медных чана. Люди в плащах разложили принесённые с собой предметы у алтаря и удалились.

Снова раздался звук гонга. Высокий человек воздел руки. Люди в плащах подвели к алтарю нового участника пугающего действия. Это была девушка, облачённая в красный балахон. Водопад блестящих чёрных волос закрывал её лицо. Руки были скованы кандалами, на ногах звякали цепи, позволяющие делать только коротенькие шажки.

Зловещие чёрные фигуры окружили несчастную, и Мельхиор потерял её из вида.

– Что они с ней делают, доминус?

Мартиниус не успел ничего ответить. Высокий человек провозгласил:

– Во имя нашего Братства ныне мы приносим в жертву тебя, Цветок Персика. Все, кто попытается встать на нашем пути, умрут точно так же, как ты.

Люди в чёрных плащах расступились и склонили головы. Теперь девушка лежала на алтаре, прикованная к нему цепями. За всё время она не произнесла ни звука.

Мельхиор хотел было запротестовать, но нотариус помешал ему, тихонько пропищав:

– Я же вам обещал, мой мальчик, что скучно не будет!

Страшная церемония продолжалась. Колдуны принялись монотонно читать заклинания. Сквозный ужасом Мельхиор наблюдал за тем, как высокий человек обеими руками медленно поднял над головой кинжал. Жертва злодеяния отчаянно извивалась на алтаре, напрасно пытаясь разорвать цепи. Она всё так же молчала. Видимо, её рот был запечатан.

При виде этой чудовищной сцены Мельхиора бросило в дрожь, словно он продрог до костей, но он был бессилён помочь Цветку Персика. Юноша не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, будто парализованный. Или заколдованный?

Заклинания стали громче, затем ещё громче и вдруг высокий человек с истошным криком нанёс безжалостный удар прямо в сердце своей жертве. Кровь залила алтарь. Она стекала по его стенкам вниз, окрашивая пол алым, но большая часть по широким желобам попадала в медные чаны.

– Всегда помни об этом! – раздался суровый голос за спиной Мельхиора. Звук гонга, прогремевший в третий раз, заглушил суровый голос. Собрав все свои силы, Мельхиор преодолел сковывающие его чары. Он бросился на высокого человека. Ещё мгновение и... Но тут гонг трансформировался в резкий стук в дверь. Мельхиор открыл глаза. Саския звала из коридора:

– Вставайте, молодой месьер! Завтракать пора!

Глава седьмая. В путь!

Когда Мельхиор спустился в столовую, Мартиниус уже с аппетитом уплетал замаринованного на ночь в вине и потушенного в красном соусе кролика. Это Саския расстаралась. Домоправительница так и не легла спать, готовя до утра провизию для путешественников. Шеф выглядел бодрым и радостным, словно неделю провёл на Гведской Ривьере. Мельхиор же наоборот чувствовал себя разбитым и невыспавшимся.

– Завтракайте быстрее, мой юный друг. Нас ждут великие дела! – с пафосом воскликнул Мартиниус, завидев своего помощника. Мельхиор промолчал. Он всё больше убеждался, что вчера зря согласился на сомнительную поездку в Аксамит. Спасибо Гведикусу, что хоть не в самую пустыню. К счастью, Аксамит – большой город. Может, всё ещё обойдётся?

После завтрака Мартиниус отсчитал Мельхиору десять золотых флорианов из кожного мешочка, полученного от Амальрика, и велел разменять золото на серебро и медь в банке на Гранд-бульваре.

Вернувшись домой, Мельхиор занялся сбором своего саквояжа. Пузатая дорожная сумка с металлическими пряжками, на которых была выдавлена надпись: «Бенедикт Мартиниус, нотариус», уже стояла в прихожей, но самого шефа не было видно. Мельхиор прошёл на кухню. На кухне кипела работа. Всхлипывающая Саския складывала в чистые холщёвые мешочки яйца, сваренные вкрутую, заворачивала в промасленную бумагу пирожки с капустой и картошкой, а на сладкое пончики в сиропе и сдобные лепёшки в меду. Экономка раскладывала по глиняным горшкам свиные сосиски с кориандром и петрушкой, холодное отварное мясо, овощное рагу и салаты, разливала по круглым флягам из тыкв ягодные морсы и вина. В большой плетёной корзине с крышкой уже лежали хлебные караваи, копчёные колбасы, сыры и бутылка подсолнечного масла. Этого количества провианта хватило бы для пропитания в течение недели немалой компании нищевродов.

– Саския, вы не знаете, где месьер Мартиниус? – спросил Мельхиор экономку.

В ответ Саския сердито проворчала:

– Откуда я могу знать, что у нашего старого месьера в голове? У него же, что ни день, то новая блажь. Теперь вот собрался умчаться неведомо куда. А спрашивать – не моё это дело. Я ведь ему не жена, а всего лишь служанка.

– Мельхиор, вы уже дома? – раздался в прихожей голос Мартиниуса. – Идите скорее сюда, мой мальчик, и заберите его у меня.

Мельхиор поспешил в прихожую. В прихожей стоял нотариус с клеткой в руках. В клетке сидел крупный пепельный голубь.

– Что это за птица, доминус?

– Главный судья Мантия был так любезен, что одолжил мне своего лучшего карьера.

– Зачем он нам?

– Для связи, мой юный друг. Для быстрой связи. Не можем же мы оказаться так далеко от дома без всякой возможности сообщить о себе друзьям.

Мельхиор принял клетку из рук Мартиниуса и в растерянности затоптался на месте.

– Куда же мне его девать?

– Я поручаю голубя вашим заботам, Мельхиор, – бросил нотариус, поднимаясь в кабинет. – Будете о нём заботиться. Следите за тем, чтобы эта прелестная птичка была всегда сыта и бодра.

Мельхиор недовольно посмотрел на своего пернатого подопечного. Забравшись на второй этаж, Мартиниус перегнулся через перила и нетерпеливо пропищал:

– Ну что вы там застряли, Мельхиор? Снаружи нас ждут месьер Бабаус и Андро. Скорее выносите и грузите вещи в повозку.

Мельхиору не оставалось ничего иного, как повиноваться. Он быстро уложил в свой потрёпанный кожаный саквояж самое необходимое: смену белья, бритвенные принадлежности и маленький портрет мамы.

Остановившись на пороге, Мельхиор в последний раз оглядел комнату, где ему так хорошо жилось. Юноша вздохнул и, захватив саквояж и клетку с голубем, направился на улицу.

На улице действительно стоял высокий деревянный фургон, запряжённый парой могучих тяжеловозов вольдемарской породы. Оба борта фургона украшали семь широких вертикальных линий. На облучке сидел Андро в шафрановом кафтане. Великан занимал своим сидалищем почти всю ширину вместительной повозки. Рядом с фургоном нетерпеливо перебирал тонкими ногами вороной жеребец. Мрачный Бабаус во всём чёрном держал жеребца за уздцы и, чтобы конь не горячился, успокаивающе похлопывал его по крутой шее.

– Доброе утро, месьеры! – поздоровался Мельхиор со спутниками.

– Да взойдёт солнце, чтобы освещать ваш день, – буркнул Бабаус. Немой Андро ограничился тем, что склонил огромную башку в ярко-жёлтом тюрбане, приложив ручищи крест накрест к плечам.

Наконец-то, Мельхиор смог, как следует, разглядеть гиганта. Прямо скажем, Андро совсем не казался красавцем. У великана было смуглое гладко выбритое лицо с горбатым носом. Из-под косматых бровей, густых, как усы гвардейского гренадера, грозно смотрели выпуклые глаза, цвета жжёного сахара. Щёки были испещрены оспинами. Левую щёку пересекали семь полосок от сглаза, нанесённых чёрной тушью. Шафрановый кафтан трещал под напором мускулов здоровяка. Из коротких штанин торчали чёрные от грязи босые ножищи. На скамейке возле Андро лежала толстая палица, обтянутая кожей ежа с иглами.

Через десять минут вещи были уложены. Мартиниус и Мельхиор попрощались на крыльце с Саскией, вытирающей платочком мокрые глаза. Нотариус и его молодой

помощник заняли места в фургоне. Бабаус вскочил в седло, гортанно крикнул и поскакал вперёд. Оскалив крепкие зубы, Андро щёлкнул хлыстом. Могучие тяжеловозы медленно потащили повозку следом за первым секретарём великого бошкуна имолов. Стремительный вояж в Жёлтую страну начался.

Глава восьмая. Красная страна

К удивлению Мельхиора в фургоне оказалась ещё одна клетка. В ней сидела, нахохлившись, серенькая голубка. Это Амальрик прислал путешественникам карьера из своей голубятни. Голубка также была отдана на попечение Мельхиора.

Покинув тихую Зелёную улицу, фургон, гремя колёсами по каменной мостовой, проехал через оживлённую площадь Биржи и по улице Трёх Близнецов направился в сторону Вилонских ворот. Миновав западный въезд в Квакенбург, фургон покатил по пригородам, застроенным хорошенькими зелёными домиками с высокими красочерепичными крышами. Грохот колёс по городским булыжникам сменился ровным шелестом гравия. Вскоре пригороды остались позади. Вместо аккуратно подстриженных живых изгородей дорогу обступил вековой лес. Вокруг господствовал изумрудный цвет. Хвойные деревья стремились в небо, рассекая облака.

Путешествовать в фургоне оказалось вполне удобно. Он был прекрасно оборудован для дальних поездок. Входная дверь с короткой лесенкой находилась сзади. Вдоль стенок были устроены сундуки, в которые путешественники уложили свои вещи и припасы. На сундуках лежали мягкие матрасы, одеяла, подушки. На передней стенке висел откидывающийся стол. По обеим сторонам стола были проделаны отверстия, чтобы можно было общаться с возницей. Для защиты пассажиров от летнего зноя окошки фургона открывались.

Заметив крючки, торчащие из потолка, Мельхиор повесил на них обе клетки с голубями. Почтари тут же принялись ворковать между собой о чём-то своём птичьём.

Почтовый тракт на запад проходил по малонаселённой местности. Час проходил за часом, а за окошками фургона всё тянулись нескончаемые сосны и ели, вязы и дубы обширного Зелёного леса. Лишь пару раз путешественникам повстречались металлические таблички с названиями деревень, стоящие у съездов с тракта.

В полдень Мартиниус и Мельхиор пообедали, поминая добрым словом заботливую Саскию, и покормили голубей. Андро на облучке сжевал горсть жареной чечевицы, запив её водой из фляги. Чем питался в седле неутомимый Бабаус осталось неизвестным.

К вечеру фургон миновал Зелёный лес. Теперь тракт пошёл всё вверх и вверх, поднимаясь в Атласные горы, отделяющие Зелёную страну от Гвинляндии. Могучие сосны прижимались к отвесным склонам с каменными осыпями. Снежные вершины устремлялись в фиолетовое небо.

– Если мы будем двигаться с такой же скоростью, то ночью перевалим через Межгорную теснину, – заметил Мартиниус. – Лишь бы лошади выдержали.

Вскоре совсем стемнело. Мельхиор зажёл свечку, и они с нотариусом поужинали. После еды прилегли на матрасы. Мартиниус задул огонёк, и фургон погрузился во мрак. Усталый Мельхиор закрыл глаза. Ему казалось, что время остановилось. Бесконечно скрипели колёса. Андро, мыча какую-то заунывную мелодию, через равные интервалы щёлкал хлыстом. А фургон всё качался и качался, словно на одном месте, баюкая своих пассажиров.

Мельхиор проснулся от того, что фургон не двигался. Юноша открыл глаза, поднял голову с подушки и огляделся. Он был один. На улице пели птицы. В окошки светило яркое солнце, дверь была открыта, в клетках ворковали голуби. Разминая затёкшие суставы, Мельхиор прошёл до двери и выглянул наружу. Фургон стоял недалеко от почтового тракта на небольшой, расчищенной от деревьев, площадке. Распряжённые кони паслись в сторонке. Было довольно прохладно.

– Доброе утро, мой юный друг! – радостно пропищал Мартиниус. Нотариус сидел на чурбаке у костра, над которым висел закопчённый котелок. В котелке что-то булькало и вкусно пахло на всю поляну. Гигант Андро помешивал это что-то палочкой. Бабаус, завернувшись с головой в свой плащ, спал на траве под раскидистой елью.

– Доброе утро, доминус! Доброе утро, Андро! – поздоровался Мельхиор. – Где это мы?

– Мы уже по ту сторону хребта на высоте трёх гведских миль. Чувствуете, какой здесь чистый воздух, Мельхиор? Наши спутники на рассвете решили сделать остановку, чтобы дать лошадям отдохнуть. Да и сами они тоже изрядно притомились. Скоро мы позавтракаем и направимся на юг.

Мельхиор принялся умываться, зачерпывая воду из ведёрка. Б-р-р! Ледяная вода мгновенно прогнала остатки сна.

– Да взойдёт солнце, чтобы освещать ваш день, – мрачно пробурчал подошедший к костру Бабаус, когда Мельхиор уже вытирался.

– Д-доброе утро, м-месьер Б-бабаус! – простучал зубами юноша.

Андро знаком показал, что завтрак готов. Путешественники расположились вокруг огня. Богатырь разложил по оловянным мискам варёный рис, оранжевый от шафрана, высыпал на платок горку пресных лепёшек. Нотариусу и Мельхиору пришлось подождать, пока Бабаус пробормочет первую из трёх ежедневных очистительных молитв имолов: от внутренней, внешней и незримой скверны. Слушая уста великого бошкуна, немой Андро благочестиво прикладывал ручищи к груди. Потом все с аппетитом принялись за еду. Рис оказался непривычно острым. Видимо, великан не пожалел специй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.